

Д.Г. Коровушкин
Россия, Новосибирск
Новосибирский гуманитарный институт

ПРОМЫСЛОВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ СИБИРСКИХ ОХОТНИКОВ: РЕИНКАРНАЦИЯ

Сибирь – страна вечной охоты, страна великих охотников и великолепных зверей.

Охоты столь великолепной, что и сегодня наши соседи «из-за моря» – японцы – помнящие свою древнюю алтайскую прародину, мнят себя великими сибирскими охотниками. Не просто охотниками, а охотниками на мамонтов.

Именно охотничьи ресурсы, в первую очередь пушнина, тысячелетиями притягивали к Сибири восхищённые и алчущие взоры торговцев и завоевателей отовсюду: с Востока и Запада, с Юга далёкого и близкого.

Вечная истина «спрос рождает предложение», безусловно, применима и к развитию традиционных знаний и умений сибирских охотников-промысловиков, историческому развитию охотничьего промысла как историко-культурного явления.

И здесь необходимо отметить следующее. Охота на крупных копытных, наиболее ярко отражённая в археологических источниках за счёт крупности и сохранности таких археологических артефактов, как наконечники зверовых копий, относительно массивные кости скелетов зверей, часто подвергавшиеся вторичной обработке в целях изготовления орудий, оружия и предметов быта, была массовой охотой [Korovushkin, 1990] для обеспечения витальных потребностей аборигенных сообществ. Охота на пушных зверей, ощутимо более *тонкая* и затратная в смысле времени, требующая специализированных знаний и навыков, никоим образом личные и общественные потребности северного человека в белке и жире, а также в защитной оболочке (одежде) покрыть не могла. При этом орудия добычи пушнины, большей частью пассивные [Коровушкин, 1991], создаваемые нередко из подручных материалов, чаще всего биоразлагаемых, оставляют намного меньший след, являемый миру археологами. Редкие металлические и костяные наконечники, явно не относящиеся к боевому оружию, нечастые скопления костных останков пушных зверей на временных стоянках – вот, пожалуй, и все прямые археологические свидетельства о роли «мягкой рухляди» в сибирской истории и истории сибирских этносов.

Несравнимо больше дала этнография: от Георги и Лепёхина до Долгих, Попова и Гемуева*. Подробнейшие, нередко, описания профессиональных путешественников и учёных-профессионалов создали унифицированный корпус знаний о приёмах и навыках охоты, оружия и орудиях, снаряжении и одежде. Опубликованные материалы, описательные и аналитические публикации в конце XIX - первой половине XX в. были дополнены ценнейшим корпусом новых источников – музейными коллекциями: вещными и фотографическими. Конец XX в. отмечен новым явлением – начатыми по инициативе Н.А. Томилова паспортизацией и каталогизацией этнографических коллекций сибирских музеев [Томилов, 1986].

Всё это дало возможность сравнительных археолого-этнографических сопоставлений [Коровушкин, Мельников. Новиков, 1995], классифицирования и типологизации, составления ретроспекций и историко-культурного картографирования, выявления новых перспективных географических и исследовательских зон. Но это новое знание, достаточно полное, временами увлекательное, часто весьма наглядное, долгое время оставалось уделом неширокого круга учёных. Последнее объясняется малотиражным, мягко говоря, опубликованием результатов и неразвитостью системы научных библиотек и коммуникаций.

* Список исследователей, внёсших неоценимый вклад в этнографическое сибиреведение применительно к общей картине *зверовой* и пушной охоты как явления, её частным проявлениям в материальной и духовной культуре, выявлению причин и взаимосвязей межэтнических и межкультурных контактов, отражённых в современность, ощутимо шире, но выходит за тематические и физические рамки этой публикации.

Схожий процесс наблюдался и в охотоведении с его периодами заметной публикационной активности, но всё с той же мизерностью тиражей. При этом в послевоенный период и далее, когда пушная охота была практически свёрнута на фоне новой государственной политики развития звероводства, чрезвычайно упала ранее развитая индустрия охотничьего снаряжения.

Казалось бы, эта культура если не умерла, то угасает: чрезмерная промышленная унификация производимых образцов, всемерное сокращение выпускаемой номенклатуры, несоразмерное цели упрощение технологий и материалов. Конец советской эпохи привнёс повсеместное замещение гражданских образцов охотничьего снаряжения на неликвиды армейских складов, невостребованные распадающейся армией.

Невесёлая картина, нисходящие тенденции развития – по сути, явный разрыв межпоколенной трансляции культурной традиции...

Ситуацию неожиданно (кто мог предполагать?) выправили новый постсоветский капитализм и новейшие информационные технологии вкупе с развитием сетевых коммуникаций.

Предпринимательская инициатива, мечущаяся в поисках новых «тем», увидела определённую выгоду в обращении к историческому опыту: стали появляться всё новые и новые образцы охотничьего и оружейного снаряжения, распространяемые через разросшуюся сеть охотничьих и оружейных магазинов. Ликвидация тотального дефицита товаров, в том числе расширение модельного ряда представленного на российском рынке гражданского оружия, позволили покупателям (*пользователям*) с большей разборчивостью подходить к приобретению предметов охотничьего обихода.

Развивающийся вкус и накапливаемый опыт, присущая роду *homo* извечная неудовлетворённость привели к поиску нового знания в описываемой нами сфере интересов.

И здесь вовремя подоспело развитие глобальных сетевых телекоммуникационных технологий, позволивших группирующимся по интересам индивидуумам создавать общественные информационные ресурсы, накапливать информацию оцифрованных бумажных изданий и архивных фотографий, обмениваться мнениями в режиме *on-line*. Огромную роль в этом играют государственные и частные электронные библиотеки, включая столь активно блокируемые торрент-серверы.

Широкое обсуждение опытов, генерация новых идей и обнародование преданной забвению информации используются по методу «обратной связи» в науке, промышленности и охотничьем хозяйстве. Причём, применительно к науке, речь идёт в первую очередь о новом уровне взаимодействия археологии и этнографии, возможности нового осмысления старых научных результатов.

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать новое рождение развитого, многогранного явления сибирской культуры – охотничьего снаряжения как такового, приёмов его использования, создания и развития нового знания на новом этапе.

Korovushkin D.G. Large ungulates in the system of passive hunting of taiga ethnoses of the Western Siberia // Third International moose symposium. Abstracts of papers and posters. Syktyvkar, 1990.

Коровушкин Д.Г. Типологизация орудий пассивной охоты коренных народов Западной Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991.

Томилов Н.А. / отв. редактор. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединённого исторического и литературного музея. Томск, 1986.

Коровушкин Д.Г., Мельников Б.В., Новиков А.В. Традиционная промысловая охота в таежной зоне Западной Сибири как предмет археолого-этнографических сопоставлений // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. II. – Новосибирск, 1995.